

355В51

Ксч

Д 79

Р 183262

К. ДУБИНА

**ЗЛОДЕЯНИЯ
НЕМЦЕВ
В КИЕВЕ**

огиз · госполитиздат · 1945

К. ДУБИНА

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЦЕВ В КИЕВЕ

ОГИЗ

*Государственное издательство
политической литературы*

1945

Киев — один из самых старинных городов Восточной Европы. Более тысячи лет стоит он на крутых склонах Днепра. Немного найдётся городов, которые имели бы такую богатую и славную историю, как Киев. Героическими преданиями озарено его прошлое. Киеву довелось пережить и гордость победителя Византии и величие первой столицы Руси. Много героических дел, осуществлённых во славу родины, видели берега Днепра. Киев — святыня и гордость всех народов Советского Союза, колыбель русского, украинского и белорусского народов, «мать городов русских». Здесь было заложено начало русской державы.

Не мало и горя, страданий пришлось испытать Киеву от чужеземных захватчиков. Неоднократно столица Украины подвергалась жестоким ударам, разрушению и опустошению, но ещё не было силы, способной сломить волю киевлян к сопротивлению, заставить Киев склонить свою гордую голову.

В историю Киева кровью вписан 1240 г., когда татары вторглись в город, разрушили его, перебили много народу и превратили киевлян в татарских данников. Киев помнит дни разбоя немецких империалистов в 1918 г. и чёрные дела предателей из Центральной рады и гетманского «правительства» Скоропадского — холопа немецких империалистов. Киевлян распинали и сажали на кол польские шляхтичи. Но всё это пережил Киев, чтобы увидеть, наконец, полный расцвет своей родины — солнечной Советской Украины.

Почти четверть века народы свободолюбивой Украины, добывшие при помощи великого русского народа свободу и установившие свою государственность, строили счастли-

вую жизнь. Дивным цветом расцвёл Киев за годы советской власти.

Киев стал большим промышленным центром с широко развитой металлообрабатывающей, военной, лесной, лёгкой и пищевой промышленностью. Здесь было сосредоточено 1 176 промышленных предприятий. В городе было 900 тыс. жителей. На заводах «Арсенал», «Ленинская кузница», «Большевик», станкостроительном и многих других работали десятки тысяч рабочих.

Улицы города украсились построенными за последние годы чудесными зданиями. Голубые троллейбусы и быстрые авто бесшумно мчались по асфальтированным улицам. Радовались киевляне, любясь живописными уголками златоглавого красавца, его роскошными парками и скверами, утопающими в зелени улицами, чарующим пейзажем крутых склонов Днепра.

В довоенном Киеве было 51 научно-исследовательский институт, 20 высших учебных заведений и 40 техникумов и рабфаков.

Десятки тысяч юношей и девушек обучались в светлых, хорошо оборудованных помещениях вузов. Университет, институты — педагогический, индустриальный, инженерно-строительный, авиационный, медицинский, сельскохозяйственный, мелиоративный, театральный, художественный и другие — ежегодно выпускали тысячи молодых специалистов. Дети рабочих, колхозников и служащих приобретали здесь знания, становились географами и врачами, математиками и физиками, историками и литераторами.

В столицу цветущей Советской Украины приезжали ударники колхозных полей, стахановцы — шахтёры и металлурги, станкостроители и транспортники, учёные из Москвы и Ленинграда. Здесь происходили совещания и съезды лучших людей Украины. Сюда со всего Советского Союза приезжали многочисленные группы экскурсантов. Киев посещали иностранные инженеры, учёные и педагоги. Он привлекал внимание выдающихся государственных деятелей, писателей и журналистов всего мира.

Но мирный творческий труд украинского народа, счастливую его жизнь в самом расцвете прервали злейшие враги человечества — немецкие фашисты. Дикие орды людоеда Гитлера, ворвавшись на украинскую землю, залили её кровью, покрыли виселицами и устлали трупами советских людей, превратили в кладбища сотни цветущих городов и сёл.

Земля украинская окуталась дымом пожаров, подверглась страшному опустошению. Чёрные тучи надвинулись и на Киев.

Около 2 месяцев продолжалась героическая оборона Киева. Плечом к плечу с бойцами Красной Армии, презирая смерть, мужественно и храбро отбивали ожесточённые атаки немецких захватчиков жители Киева. Неоднократные приказы Гитлера «овладеть Киевом» срывались.

Гитлеровское командование бросало в бой всё новые и новые части. Ценой огромных потерь доставался врагу каждый шаг продвижения. Многие населённые пункты под Киевом по несколько раз переходили из рук в руки. Десятки тысяч немецких трупов валялись на окраинах города. Непосредственно под Киевом врагу не удалось одержать победу. Только общая, в то время неблагоприятная для нас, военная обстановка вынудила наше командование дать приказ об оставлении Киева. 21 сентября 1941 г. наши части оставили город.

Немецкие войска ворвались в Киев. Банда грабителей и убийц, армия палачей вторглась в город и растоптала человеческое счастье, принесла киевлянам нестерпимые муки фашистской неволи.

ЗВЕРСКОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА

Уже первые часы своего пребывания в Киеве немцы отметили диким разбоем.

Бесноватый «фюрер», идеолог топора и плахи, звериного национализма и расовой ненависти, приказал своим диким ордам уничтожать русских, украинцев, белоруссов, евреев. И немецкие солдаты и офицеры убивали беззащитных советских людей. Убивали днём и ночью, убивали в домах и на Лукьяновском кладбище, на площадях у подножья памятников и на улицах, в садах и парках. Расстреливали из автоматов стариков, женщин и детей. Убивали тех, у кого были найдены членские билеты МОПР или членские книжки Осоавиахима, убивали советских активистов и стахановцев, убивали всех, кто попадался под руку.

Там, где ненавистный враг ступал своим кованым сапогом, лилась кровь невинного люда, вздымалось в небо зарево пожаров.

28 сентября 1941 г. немецкая фельдкомендатура расклеила по городу приказ, в котором говорилось, что всем

евреям Киева и его окрестностей надлежит «ровно в 8 часов утра 29 сентября прибыть на ул. Мельника, взяв с собой ценные вещи, тёплую одежду и бельё. Кто не явится, будет расстрелян». По городу распространился слух, что еврейское население будут куда-то переселять.

В назначенный час вся улица Артёма до улицы Мельника была заполнена людьми. Гитлеровцы повели собравшихся на Лукьяновское кладбище, к Бабьему Яру. Туда шли мужчины и женщины с грудными детьми на руках, больные и беременные, старики и дети. Среди них были рабочие и служащие, учёные и артисты. Шли с Подола и Печерска, с Бессарабки и Святошина.

Когда обречённых пригнали на кладбище, у них отобрали все ценные вещи и одежду. Затем людей ставили рядами так, чтобы одним выстрелом убивать несколько человек, и расстреливали из автоматов. Ставили вторую, третью очереди. Падали убитые и раненые. Гитлеровские бандиты добивали лопатами раненых и брошенных живыми грудных детей, а затем засыпали их землёй. После этой дикой расправы долго ещё шевелилась земля, из-под насыпи долго ещё слышались глухие стоны.

Сторож Лукьяновского кладбища Сергей Иванович Луценко, который был очевидцем этой трагедии, рассказывает: «Когда обречённых пригнали на товарную станцию, когда они заполнили всю Лукьяновку, улицы Дегтярёвскую, Лагерную и Мельника и близлежащие три кладбища, несчастным приказали сложить вместе все свои вещи. Потом немцы выстраивали людей в колонны по 100 человек и вели в Бабий Яр. Из сторожки на кладбище было хорошо видно, как возле обрыва останавливали колонны, как людей раздевали догола и складывали вместе их одежду, как из автоматов и пулемётов расстреливали поставленных на краю оврага, как хватали детей за ножки, поднимали их и бросали живьём в Яр.

Расстреливали с утра до вечера. Ночью немцы ложились спать, а обречённых на расстрел загоняли в пустые гаражи. Утром снова начинали расправу. Так продолжалось 5 дней. Пригоняли людей, а вывозили в больших крытых машинах только их вещи. Каждые пять минут отходила новая машина. Трупы сбрасывали в Яр, а вечером динамитом взрывали его склоны, чтобы засыпать землёй и мёртвых и недобитых».

Два года подряд в Бабьем Яру не умолкали выстрелы. Тут расстреляли моряков, потом железнодорожников,

рабочих заводов «Большевик», «Ленинская кузница», «Трансигнал». Расстреливали эсэсовцы, гестаповцы, полицейские.

Расстрелы и пытки не прекращались. На улицах лежали трупы замученных, качались на виселицах посиневшие тела женщин и детей. Убийствам часто предшествовали садистские пытки. В полицейских камерах фашисты до полу-смерти били и истязали свои жертвы, выжигали раскалённым железом глаза и клеймили тело, выводили зимой совершенно раздетых людей на мороз и поливали их ледяной водой, живьём бросали в проруби Днепра.

В феврале 1942 г. гестаповцы пригнали к Днепру группу мужчин, женщин и детей. Их заставили вырубить возле Дарницкого моста прорубь и приказали прыгать в неё. Но после команды «прыгать!» люди стояли неподвижно. Раздалась очередь из автомата, и на лёд упали окровавленные тела. Кое-кто прыгнул в воду. Один из смертников, резко обернувшись и разодрав на себе в отчаянии рубашку, воскликнул:

— Нате! Стреляйте, гады! За всё получите возмездие!

И упал, подкошенный автоматной очередью. Второй крикнул:

— Товарищи! За родину!

Но пуля не дала ему договорить.

Даже больные не могли избежать зверской расправы. Их немцы отравляли, умерщвляли в «душегубках». Так, 14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу ворвался отряд эсэсовцев. Фашистские людоеды загнали в один из домов 300 больных, продержали их там без пищи и воды несколько дней, а потом расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Такие расправы повторялись неоднократно. В больницу прибывали «душегубки». В них загоняли по 60—70 человек психически больных, а через несколько минут оттуда выбрасывали трупы.

Об одном из таких «визитов» рассказал в своём выступлении на общегородском митинге киевлян 27 ноября 1943 г. профессор Психоневрологического института А. Р. Киричинский. «Тяжело даже представить себе, — говорил он, — до каких пределов жестокости и цинизма может дойти немецкий варвар! Так, в психиатрическую больницу однажды прибыла специальная комиссия, которая отобрала более 500 больных. Несчастных совсем раздели и группами грузили в закрытую машину. Двери этой машины герметически закрывались, и начинал работать

мотор. Через пятнадцать минут всё было кончено. Машина подходила к яме, её открывали и оттуда вытаскивали скорченные трупы. Немцы делали это пунктуально, с двухчасовым перерывом на обед в течение двух дней».

Гитлеровцы казнили людей за мельчайшую «провинность»: за нарушение светомаскировки — расстрел; за сочувствие Красной Армии — расстрел; за хождение по улицам позже указанного немцами времени — расстрел; за саботаж — расстрел. Саботажниками немцы считали и тех, кто не зарегистрировался на «бирже труда» и не выехал «добровольно» на немецкую каторгу.

В фашистской газете «Українське слово» 29 сентября 1941 г. был напечатан такой приказ:

«Жителям (всем лицам) запрещено выходить на улицу от 20 до 5 часов по немецкому времени.

Нарушители этого приказа могут быть расстреляны.

Комендант города Киева».

Вслед за этим на улицах появились трупы киевлян, к одежде которых были приколоты записки с лаконическим текстом: «Нарушил приказ, шёл в 20 часов 10 минут». «Убит в 21 час 04 минуты».

Не успевала ещё высохнуть на улицах кровь убитых, как немцы искали уже новые жертвы. 25 октября появился приказ, в котором говорилось:

«Всех голубей в городе и пригородной полосе надо немедленно уничтожить. Кто после 26 октября будет ещё держать голубей, тот будет расстрелян, как саботажник».

25 октября оккупанты объявили этот приказ, а 26 октября, когда в пригородную полосу ещё не дошли газеты, людей хватили и расстреливали за невыполнение приказа.

Стены домов пестрели объявлениями, в которых сообщалось о расстреле сотен киевлян.

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа».

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева».

А наряду с этим «Українське слово» печатало бесчис-

ленные объявления, полные угроз. В номере от 30 октября 1941 г. было напечатано:

«Лиц, которые со злым умыслом или по неосторожности будут портить или уничтожать проволоку, кабельные провода или приборы для передачи сообщений или снимать кабель или проволоку, повисшую в воздухе или лежащую на земле, — будут считать виновными в саботаже и НАКАЗЫВАТЬ СМЕРТЬЮ. Такое же наказание ждёт каждого, кто будет подстрекать преступника или помогать ему каким-либо способом до или после такого поступка. Всякая попытка будет наказываться.

Если нельзя установить виновного, то за результаты будет отвечать та местность, в чьём районе управления будут обнаружены повреждения сети связи».

Однажды ночью были перерезаны телефонные провода, ведущие к городской немецкой комендатуре. Наутро фашисты хватили первых встречных и на месте расстреливали их как «участников ночного злодеяния». Итоги этой кровавой расправы гитлеровцы подвели в специальном приказе, где говорилось, что за «диверсионный акт, выразившийся в перерезании телефонных проводов, расстреляно 300 человек».

Киевлянка В. П. Баленко рассказывает: «В октябре 1943 г. во дворе дома № 72 по Красноармейской улице началась перестрелка, в результате которой был ранен немец. Тогда гитлеровцы начали стрелять по окнам жителей, ловили первых попавшихся киевлян и забирали неизвестно куда. На следующий день нашли убитого немца на Владимирском базаре. Кто его убил — неизвестно, возможно и сами немцы, ибо они часто после пьянки дрались между собой, но за убитого немца забрали много людей, которые жили в этом районе, и отправили на Львовскую, 24. О последующей судьбе несчастных никто ничего не знает».

Немецкие палачи расстреливали киевлян из автоматов, кололи, вешали на деревьях в парках и скверах, на фонарях, стоящих на углу Крещатика и бульвара им. Шевченко. Там, где тысячи киевлян в ясные погожие дни довоенного времени отдыхали и любовались природой, где резвилась детвора и развлекалась наша жизнерадостная молодёжь, — там при фашистских палачах качались трупы повешенных. Их не снимали по нескольку дней: «Пусть мёртвые наводят ужас на живых». Страшным террором гитлеровцы старались запугать киевлян и сломить их волю

к сопротивлению, превратить советских людей в забытых и послушных рабов.

Расстреливали и истязали мирное население немецкие солдаты и офицеры, жандармы и полицейские, фабриканты и торговцы. Убить человека было для них обыкновенным делом. Как в условиях рабовладельческого строя рабовладелец убивал раба, не отвечая за это, так и немцы убивали украинцев, не неся при этом никакой ответственности.

В марте 1943 г. на кондитерской фабрике был такой случай: за то, что семнадцатилетняя работница съела 50 граммов печенья, немец Юнг схватил её за горло и так ударил головой о стену, что девушка тут же умерла.

В июне 1943 г. шеф немецкого магазина (помещение бывшего «Гастронома» на углу улицы Ленина и Крещатика) Краков железным прутом по голове ударил продавщицу-украинку, упустившую из рук ящик с яйцами, и убил её насмерть.

25 сентября 1943 г. на мостовой возле оперного театра лежал труп молодой девушки с приколотой к одежде запиской: «Спросите её, где линия фронта». Очевидно, девушка неосторожно спросила кого-то о фронте и за это немцы убили её.

В нечеловеческих условиях находились рабочие предприятий. Бывший волынский помещик барон фон Рентель, хозяйничавший на заводе «Ленинская кузница», ввёл там дикие, крепостнические порядки. Почти ежедневно после работы рабочих выстраивали во дворе, заставляли приседать и вытягивать руки. Начинался обыск с помощью собак. Собака сваливала и кусала человека, у которого находила пустую бутылку. Напрасно было доказывать, что рабочий взял бутылку из дому, чтобы зайти после работы на базар и купить молока, — его обвиняли в попытке украсть бензин и чинили над ним лютую расправу. Так было со слесарем Багатюком и со многими другими.

Однажды рабочий Иванов заболел. Немцы приехали к нему домой, притащили его в цех, избили и, привязав к станку, заставили работать. Одного рабочего, заподозренного в краже автомобильной камеры, жестоко избили, а потом застрелили.

За малейшую «провинность» рабочих били палками. Почти ежедневно устраивались публичные порки.

Выступая на митинге в освобождённом Киеве 27 ноября 1943 г., кадровый рабочий завода «Ленинская кузница»

Евгений Андреевич Грачёв в своей речи заявил: «Когда пришли немцы, завод был передан немецкой фирме УСМА. Хозяином завода стал немец — палач Рентель. Этот ирод и вор превратил рабочих завода в рабов, заставлял работать по 14—15 часов в сутки. Двуногие звери били обессиленных рабочих железными палками. Зимой обливали ледяной водой».

На других предприятиях положение рабочих было не легче. Начальник станции Киев-II немец Лиза бил «провинившихся» до тех пор, пока не появлялась кровь, а потом натравлял на замученного овчарку. Один из очевидцев рассказывает. «Я случайно видел, как Лиза бил пожилого рабочего-железнодорожника. Бил долго, а потом скомандовал: «Иди!»

Рабочий упал на колени и стал молить о пощаде. Я не понимал, в чём дело. Оказывается, он просил не натравливать собаку, но напрасно. Когда овчарка бросилась на беднягу, он дико кричал, а Лиза смеялся».

Немцы узаконили проституцию. В городе появились притоны. Один из них помещался в доме № 72 по улице Саксаганского. Офицеры и солдаты били согнанных туда девушек и издевались над ними.

Изо дня в день немцы сновали по городу, выискивая женщин для домов терпимости. Если намеченная жертва сопротивлялась, ей угрожали расстрелом. Часто женщины кончали самоубийством. Так, одна молодая девушка на Красноармейской улице, спасаясь от фашистских садистов, выбросилась с пятого этажа на улицу.

Однажды по городу были вывешены объявления, в которых красивым женщинам и девушкам предлагалось явиться на «биржу труда» для назначения на выгодную работу. Некоторые женщины пошли. Немцы отобрали часть из них, взяли под стражу и отправили в один из домов на Соломенке. Когда женщины поняли, для чего они взяты, и пытались убежать, им пригрозили расстрелом.

Тем, кто занимался проституцией, немцы выдавали жёлтые билеты и не посылали в Германию.

Почти все мирное мужское население оккупированных районов гитлеровцы объявили военнопленными. В окрестностях Киева они загнали в концлагери всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Не пощадили также женщин и подростков. В лагерь, который помещался в Киеве на Керосинной улице, немцы пригнали 2 октября 1941 г.

более 500 жителей города. Многие из них были в одном белье. Несмотря на холод, полураздетым людям приказывали ложиться прямо в грязь. Так держали их в течение трёх дней, а потом всех расстреляли.

Расстрелы в лагерях без суда и следствия, без каких-либо обвинений проводились систематически.

Пленный солдат 13-й роты 245-го полка 88-й немецкой пехотной дивизии Йозер Ертельтальнер рассказал:

«В Киеве я видел, как немецкие офицеры и солдаты мучили и убивали мирных жителей и советских военнопленных. На окраине города, недалеко от военных казарм, находилось полуразрушенное здание фабрики. По приказанию офицеров солдаты согнали туда несколько сот людей. Здесь их продержали несколько дней без пищи и воды. На четвёртый или на пятый день заключённым приказали выходить по одному во двор. У выхода их расстреливали одного за другим».

Ужасающие муки терпели заключённые Сырецкого концлагеря. Немцы объявили Сырец запрещённой зоной и каждого киевлянина, который осмеливался самовольно переступить границу этой зоны, убивали на месте.

Начальник смены киевской фабрики головных уборов Островский Леонид, электромонтёр Будник Д. И., столяр Долинер Леонид, штамповщик Гавриленко Георгий, которые вырвались из Сырецкого концлагеря, рассказали, что все, попавшие в этот лагерь, были обречены на смерть.

Штурмбаннфюрер Радомский, садист и пьяница, и его помощник Ридер, орудовавшие в этом лагере, всячески изощрялись в уничтожении советских людей. Они, например, «изобрели» такой способ убийства: одних заключённых заставляли взбираться на дерево, а других — подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Иногда Радомский собирал всех заключённых, проходил по рядам, выводил из строя человек 25 и тут же расстреливал их. За малейшую «провинность» заключённому давали 300—400 палочных ударов, что было равносильно смертному приговору. Время от времени в лагере происходили массовые расстрелы: убивали каждого десятого, каждого пятого и т. д.

Заклучённых гоняли на кладбище разгружать прибывавшие туда «душегубки». Немцы приказывали заключённым выносить полуживые тела, раздевать их и складывать одежду. Затем работавших на разгрузке «душегубок» расстреливали.

В Сырецком концлагере долгое время находились в заключении известные стране киевские футболисты-динамовцы: Трусевич, Клименко, Кузьменко и другие. 24 февраля 1943 г., как рассказывает бывший заключённый Георгий Иванович Гавриленко, на глазах у всего лагеря при очередном массовом расстреле были убиты и футболисты.

Десятки тысяч советских людей, заключённых в лагере, погибли от пуль и штыков; десятки тысяч умерли голодной смертью.

Когда человек попадал в лагерь, у него отнимали сдежду и обувь. Полураздетых заключённых держали под открытым небом даже зимой. Когда смеркалось, людей под угрозой смерти заставляли ложиться на влажную холодную землю. Заключённые располагались кругом, тесно прижавшись друг к другу, а наутро они относили много скопеченных трупов своих товарищей в могилу.

Из лагеря было два пути: первый — смерть от пули или голода, холода и непосильной работы и второй — на немецкую каторгу.

Чем ближе к Киеву продвигались советские войска, тем больше свирепствовали гитлеровские головорезы. В Бабий Яр всё чаще прибывали «душегубки». Из них сначала слышались крики, стоны и, наконец, предсмертное хрипение. Тогда открывали дверцы и полуживых, ещё тёплых, мокрых от пота людей выносили из машины, раздевали догола, укладывали штабелями на специально изготовленные печи и сжигали. Сначала «душегубка» ходила к Бабьему Яру на рассвете каждый вторник и каждую субботу, а последнее время, перед бегством немцев из Киева, — четыре раза в неделю.

В 1943 г. немцы решили «замести» следы своих преступлений прежде всего в Бабьем Яру. 18 августа в концлагерь на Сырце прибыла большая группа эсэсовцев. Немцы отобрали 100 человек пленных, заковали их в кандалы и под усиленным конвоем отправили в Бабий Яр. Там их разделили на несколько групп, выдали им резиновые сапоги, фартуки, рукавицы, вилы и лопаты. Наблюдать за каждой группой поставили эсэсовцев. Вокруг Бабьего Яра была установлена трёхкилометровая зона, куда населению входить запрещалось. После этого немцы заставили пленных откапывать трупы. Чтобы ускорить работу, применили экскаватор.

Специально выделенные немцами команды старательно

осматривали трупы, снимали с них серьги и кольца, вырывали из челюстей золотые зубы. Потом пленных заставляли оттащить баграми трупы в сторону и сбрасывать в кучу. С теми, кто работал медленно или терял сознание, расправа была короткая — расстрел.

На место раскопок немцы привезли с кладбища гранитные памятники и железные ограды и построили своеобразные крематории. Из памятников делали фундамент, на который клали железные рейки; на них помещали, как колосники, железные ограды, дальше — слой дров, на дрова — слой трупов. Трупы складывали в штабеля попеременно с дровами, обливали их бензином или нефтью и сжигали. Потом снова настилали сосновые колоды, клали на них трупы и жгли, жгли без конца. Сжигали тщательно — так, чтобы перегорали и кости.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела, показывают: «За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах».

На протяжении полутора месяцев днём и ночью пь лали костры. Удушливый смрад окутывал всю Лукьяновку. Кости сожжённых трамбовками разбивали на мелкие части, пепел смешивали с землей и рассеивали по Яру, чтобы не осталось никаких следов.

28 сентября, после окончания работ, пленные, которые работали на раскопках, заковали, как всегда, в кандалы. Ночью с помощью спрятанных инструментов им удалось снять кандалы. Перебив стражу, они бросились бежать. Многих немцы расстреляли сразу же при побеге, кое-кого поймали и расстреляли потом. Но некоторым всё же удалось спастись, и они рассказали обо всех этих преступлениях гитлеровцев.

Накануне бегства из Киева немцы ворвались в сторожку на Лукьяновском кладбище и схватили всю семью сторожа Луценко, чтобы уничтожить живых свидетелей того, что творилось на кладбище. Погибла старшая дочь Луценко Анна, внуки Анатолий и Люда. По самому Луценко с женой и двумя младшими дочерьми удалось спастись, и они также рассказали о трагедии в Бабьем Яру.

Оккупанты расстреляли и замучили в Киеве около

200 тыс. советских граждан — женщин, детей и стариков. Десятки тысяч невинных людей замучены и расстреляны в посёлках пригорода. В Дарнице обнаружены колоды, доверху заполненные трупами убитых детей. Удирая из Киева, немцы загнали тысячи жителей Дарницы, Броваров, Предместной Слободки на Наводницкий мост, а потом взорвали его.

На протяжении всей своей тысячелетней истории Киев ещё не видел таких чёрных дней. Со времени основания города киевляне не испытывали такого горя, таких страданий и надругательств, какие им пришлось испытать при немецких оккупантах.

ГРАБЕЖИ, ГОЛОД И ЭПИДЕМИИ

Ворвавшись в город, гитлеровцы на следующий же день издали приказ о сдаче населением немецкому командованию всех «излишков» продовольствия. Разрешалось оставлять «запасы» только на 24 часа. За неисполнение приказа — расстрел.

Вслед за этим начались повальные обыски во всех домах. Немцы вытаскивали из квартир всё, что попадало под руку: обувь, одежду, бельё, посуду, продукты. Не брезговали абажурами, пепельницами и даже детскими игрушками. Вещи, которые им были не нужны, рубили топором. Часто немцы, будто бы в поисках мин, выгоняли людей из квартир, а затем вытаскивали пожитки и развозили их в машинах и на тачках к себе на квартиры.

Управляющим домами и дворникам было приказано переписать имущество всех жителей Киева. Часть его гитлеровцы забирали себе, остальное завозилось на склады. Один из таких складов помещался на Некрасовской улице, в здании школы № 38. Четырёхэтажный дом был заполнен награбленным добром. Весь первый этаж немцы отвели под продовольствие — хлеб, консервы, сахар, масло; на втором этаже сложили бельё; на третьем — одежду; на четвёртом — самые ценные вещи: отрезы дорогого сукна, меха, часы. К школе ежедневно подъезжали автомашины: одни привозили награбленное, другие забирали вещи и везли на дезинфекцию в Жилинскую баню, а потом на вокзал для отправки в Германию. На легковых машинах приезжали сюда гестаповцы и офицеры, всходили на четвёртый этаж и брали себе что хотели.

В грабежах немцы перешеголяли самых отъявленных бандитов. Бандит, как правило, грабит ночью немец — и среди белого дня. Преступники, одетые в военную форму, сдирали на улицах с прохожих пальто и сапоги, вынимали из карманов и снимали с рук часы.

Грабили солдаты, офицеры, грабили и «учёные». Так, в квартире архитектора Алёшина поселился доктор Мюллерейгерт, хваставшийся дипломом Гейдельбергского университета. Свою «научную деятельность» в Киеве он начал с распродажи мебели и вещей, принадлежащих Алёшину. Ударяя из Киева, этот «учёный муж» снял в квартире люстры, отвинтил замок с двери, забрал персидский ковёр.

Стремясь выудить у киевлян припрятанные ими вещи, оккупанты пошли на провокацию. Они объявили об открытии комиссионных магазинов, где население будто бы может выгодно продать свои вещи. Но пожитки, принесённые доверчивыми людьми на сборные пункты, были конфискованы.

Затем немцы стали собирать среди населения одежду и обувь будто бы для военнопленных красноармейцев. «Нове українське слово» 30 октября 1941 г. поместило статью с призывом приносить пожертвования для «пленных и раненых братьев украинцев».

Это, разумеется, была также одна из форм грабежа. Вещи обманутых киевлян немцы брали себе.

Затем гитлеровцы приступили к более «организованным» грабежам. В январе 1942 г. управдомам была дана определённая развёрстка и распоряжение собрать для немецких солдат одежду, обувь, кожанки, валенки, шапки, свитеры и одеяла.

Награбленное государственное и личное имущество населения вывозилось в Германию. Солдаты и офицеры посылали домой украинские полотенца, бельё, одежду, обувь. Вывозили даже мебель: диваны, кровати, шкафы, пианино, зеркала.

На Галицком, Лукьяновском, Куренёвском, Шулявском, Бессарабском, Владимирском, Соломенском, Демиевском базарах и в других местах немцы организовали приёмные пункты для сбора металлических изделий. Киевлян заставляли нести сюда самовары, вазы, металлические статуи, письменные приборы и разные безделушки. Гитлеровцы объявили, что металлические вещи принимаются за плату. Но плата была такой, что никто не хотел

«продавать» вещи оккупантам. Тогда немцы прибегли к угрозам.

6 октября 1942 г. СС оберштурмбаннфюрер Шпацель опубликовал распоряжение: «12 августа 1942 г. имперский руководитель дал указание, на основании которого всё золото, серебро и другие благородные металлы и все ценные вещи без исключения должны быть изъяты и направлены обергруппенфюреру Поль». В газете «Нове українське слово» от 7 ноября 1942 г. появилось такое объявление: «Все металлические изделия, которые находятся в руках населения, нужно сдать до 30 ноября 1942 г. по объявленным в своё время ценам на один из нижеуказанных пунктов (далее шёл перечень двадцати приёмных пунктов. — К. Д.). Все несданные металлические изделия будут подлежать конфискации. Штадtkо-миссар». И киевляне вынуждены были отдавать немцам ценные вещи.

Грабёж узаконен немецкими властями. Это один из методов «вдохновения» немецких солдат. Фашистские верховоды обещали богатую наживу в войне против СССР не только немецким солдатам и офицерам, но и их семьям. И неудивительно, что письма из Германии солдатам и офицерам были полны «заказами» от немок.

Для немецкого солдата-грабителя очень характерна «памятка» солдата Генриха Мейера, попавшая в руки советского командования. В таблице, аккуратно написанной Мейером на гербовой бумаге, отмечено, что именно надо раньше всего «приобрести». В первой графе — «кому» — идёт перечень: папе, маме, Ирме, Лотте, Энрику. Во второй графе — «обувь» — отмечен размер, на каком каблуке, с каким носком. Так же подробно отмечено всё и в других графах. Читая таблицу, можно подумать, что этот фриц ехал на ярмарку.

Немецкие грабители обобрали киевлян с головы до ног. Киевлянин И. Ф. Логвиненко рассказывает: «Киев был мёртвым городом. Кроме немцев и «полицаев», на улицах мало кого можно было встретить из прохожих. Если кого и приходилось видеть, то большей частью стариков и инвалидов. Киев превратился в город нищих. Худые или опухшие от голода, оборванные люди блуждали по улицам и квартирам, прося милостыню. Но никто ничего им не давал, ибо немцы всех ободрали».

На протяжении первых месяцев оккупации киевлянам не выдавалось ни грамма хлеба. Через несколько месяцев

блюстителю «нового порядка» установили для жителей голодную норму хлеба — 50—100 граммов в день. Но и эти жалкие крохи доставались киевлянам с большим трудом и перебоями. Собственно, настоящего хлеба киевляне и не видели: так называемый «хлеб» выпекался из разных суррогатов.

Горожане вынуждены были обменивать на продукты питания последние свои вещи. Но не всегда и это удавалось: ограбленные крестьяне не могли удовлетворить спрос городского населения на продовольствие, да и боялись приезжать на базар, опасаясь, что гитлеровцы схватят их и отправят на каторжные работы в Германию. На базарах вывешивались объявления, что за торговлю без разрешения виновные будут наказаны — за это полагалось от 20 до 50 ударов шомполами. Пользуясь этим, немецкие солдаты выходили на базар и обирали крестьян. Часто они ловили крестьян по дороге и отнимали у них продукты.

Киевляне ходили в отдалённые глухие села, чтобы там раздобыть кусок хлеба. В холодную зиму 1941/42 г. много голодных и полураздетых людей, отправившихся за продуктами, замёрзли в дороге.

Но вскоре немцы лишили киевлян возможности ходить и в сёла: выезд из города без пропуска был запрещён. В постановлении № 21 от 26 марта 1943 г., подписанном городским головой Киева, говорилось: «Лица, выезжающие из города Киева без предварительной регистрации в районной управе на срок более двух дней и не подавшие домоуправлению перед отъездом справки районной управы о регистрации выезда, — теряют право на жилую площадь по окончании двухдневного срока со дня отъезда». Имущество этих людей также расхищалось гитлеровцами.

Кроме того, специальным распоряжением ограничивалось количество продуктов, которые можно было иметь при себе в дороге. «Нове українське слово» поместило 2 августа 1942 г. следующее сообщение полиции: «На всех путях, ведущих в город или из города, полиция должна изымать все продукты, которые превышают количество, необходимое для обыкновенного дневного питания.

Это изъятие проводится по приказу высшей инстанции. Все изъятые продукты сдаются гебитскомиссару. Слухи о том, что полиция пользуется ими, являются злостной клеветой. Также совсем неправильно упрекать за изъятие

продуктов полицию и ругать её (очевидно, возмущение киевлян давало себя знать. — К. Д.); эти меры окончательно должны быть проведены в жизнь, поскольку это идёт на пользу общему делу». Далее перечислялось, что можно иметь при себе в дороге: не более одного килограмма хлеба, 1 литра молока и т. д.

«Кто же будет нести при себе больше, — предупреждала полиция, — будет сурово наказан, а продукты конфискованы так же, как и транспортные средства, служившие для перевозки этих продуктов».

Однажды по дороге в Киев шло несколько женщин. Увидев издали немцев и боясь, что они отнимут все продукты, женщины повернули назад. Тогда гитлеровцы послали им вдогонку своих овчарок. Собаки искусали женщин и изорвали на них одежду, а гитлеровцы забрали все продукты.

В городе открылось несколько магазинов и ресторанов. На дверях висели таблички: «Только для немцев». Работало ещё несколько частных кафе и столовых, но для местного населения они были недоступны.

В газетах объявлялось. «Киевский паевой коммерческий союз украинских купцов «Универсал» начал свою работу. Идёт приёмка магазинов...» Но ни магазинов, ни товаров для населения не было. Домашние хозяйки бродили по улицам с пустыми кошёлками. Купить соли, керосину или спичек было невозможно.

Немецкие и венгерские солдаты выносили на базар спички будапештского происхождения, зажигалки, сигаретки и сахарин, продавали вещи, награбленные у киевлян, при этом всячески обманывая население.

По улицам бродили нищие. Часто можно было видеть, как дети переносили на своих худеньких плечах или перевозили на тачках огромные чемоданы и другие вещи немецких офицеров. Дети надеялись получить за работу кусок хлеба, но получали в лучшем случае вонючую сигаретку.

Инспектор детских садов Петровского района Киева М. М. Осадчая, пережившая оккупацию города, рассказывает: «Трудно себе представить, сколько детей умирало от голода, сколько их ходило по улицам голых, голодных, стараясь раздобыть хоть кусочек хлеба, того ужасного хлебного эрзаца из просяной половы, который в ничтожном количестве выпекался для населения».

В Борисполе помещалась немецкая фирма «Курцер-

Генинг», где работало около 500 рабочих разных специальностей. Много было там и киевлян. Жили рабочие в бараках, на голодном пайке: они получали 200 граммов эрзац-хлеба и один раз в день отруби, сваренные на воде. М. Я. Геренрот, работавший тогда в Борисполе, рассказывает: «Однажды немец — заведующий столовой — вызвал меня, рабочих Марченко, Хитова и других и велел ехать с ним на автомашине в поле. Немец приказал нагрузить на машину дохлую, уже червивую лошадь, которая валялась на дороге. Этой падалью и кормили рабочих».

В городе свирепствовал тиф, но населению не оказывалось никакой медицинской помощи. Не было и медикаментов. Немцы закрывали одну больницу за другой. Летом 1942 г. закрыли старейшую больницу города — Октябрьскую — со всеми её отделениями. Многих врачей гитлеровцы вывезли в Германию, а остальных разогнали. Имущество больницы разграбили. Такая же участь постигла и другие больницы. На весь большой город функционировала только одна больница — на Шулявке.

Профессор Михаил Венцковский, переживший дни оккупации Киева, рассказывает:

«Немцы стремились систематически уничтожать наших людей, подтачивать их здоровье, максимально снижать жизненный уровень и, используя их как бесплатную рабочую силу, бросить на произвол судьбы. Это, по сути, и был «новый порядок», вводимый немцами в Киеве.

...Гитлеровцы заставляли женщин-украинок выполнять самую тяжёлую работу — носить на себе рельсы, уголь, камни, копать землю. 50—60 процентов больных женщин жаловалось на кровотечения, на серьёзные женские заболевания, как результат тяжёлой, непосильной работы.

С холодным равнодушием смотрели оккупанты на вымирание населения Киева от голода и болезней. Они делали всё, чтобы смертность прогрессировала».

Врач Валентин Петров рассказывает: «Как врач, я во время оккупации был свидетелем того, как наша интеллигенция, интеллигенция огромного культурного центра, была обречена на голод, прозябание. Ко мне обращались сотни людей, опухших от голода. Чем я мог им помочь, что мог им посоветовать, когда я сам продавал вещи и голодал? Я видел сотни больных, которые умирали без лекарств, без настоящего ухода, но я сам едва спас от

смерти свою жену, больную тифом, пряча её, ибо варвары-немцы расстреливали больных тифом».

От голода и разных эпидемий в Киеве ежедневно умирали сотни людей. Вымирали целые семьи. Погибали люди, известные всему городу: так умерли профессор Кобелев, выдающийся геолог профессор Червинский, доктор технических наук А. А. Киров, доктор технических наук Чернобаев и многие другие.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ УГОН КИЕВЛЯН НА НЕМЕЦКУЮ КАТОРГУ

На протяжении всего периода оккупации Киева немцы беспрестанно вывозили людей в Германию. Уже в первые дни оккупации города в помещении Художественного института была открыта «биржа труда». Всему трудоспособному населению немцы приказали зарегистрироваться на этой бирже и ежедневно приходиться отмечаться. За неявку угрожали расстрелом. Управляющие домами должны были выявлять безработных и посылать их на биржу.

Кое-кто из населения, не имея работы и боясь угроз, зарегистрировался на бирже. Немцы вывезли их принудительно на каторгу в Германию. Биржа была настоящим невольничьим рынком.

По указанию фашистов подлые изменники — украинско-немецкие националисты выступали в печати с демагогическими призывами к населению: «Надеяться на ликвидацию безработицы и тяжёлого материального положения, — вопили эти предатели, — не приходится, а поэтому единственный выход — это ехать на работу в Германию».

Но киевляне не внимали этим продажным писакам. «Вербовка» срывалась. Немцы издавали постановление за постановлением. 9 октября 1942 г. «Нове українське слово» напечатало «сообщение штадткомиссара», где говорилось: «На основании параграфа 2 и 4 трудовой повинности от 19 декабря 1941 г. все бездетные женщины в возрасте от 16 до 45 лет, проживающие в Киеве, а также женщины указанного возраста, которые имеют детей старше 16 лет, должны явиться на пункт по набору рабочей силы для Германии — 1 школа, Некрасовская 2... Являться с вещами для немедленного отъезда в Германию».

Различным учреждениям, мебельной фабрике и другим предприятиям предлагалось набрать в ближайшие дни

минимум 7 тыс. рабочих, которые должны быть отправлены в Германию. «Руководители учреждений, — говорилось далее в сообщении, — обязаны позаботиться о выполнении этого распоряжения — приказа фюрера от 21 марта 1942 г.».

Как видно, сам «фюрер» дал установку сначала выловить мужчин, потом бездетных женщин, далее детей, а затем — всех подряд и отправить на немецкую каторгу.

На немецкую каторгу гнали советскую интеллигенцию. 20 апреля 1942 г. было опубликовано объявление, в котором предлагалось врачам «явиться к доктору Яницкому на пересыльный пункт — Львовская № 24». Немцы вывозили на каторгу врачей, учителей, инженеров не только потому, что им нужна была рабочая сила. Они старались лишить украинский народ его интеллигенции, физически уничтожить наиболее образованных и талантливых его представителей, носителей передовой мысли и культуры.

Биржа неспособна была удовлетворить спрос немцев на рабочую силу. Несмотря на угрозы и репрессии, тысячи людей обходили биржу, не слушали лживых призывов газет и радио. Немцы бесились, устраивали облавы, охотились на людей. Вооружённые полицейские неоднократно окружали улицы, площади, базары и забирали всех мужчин и женщин. Часто ночью раздавались крики: это немцы устраивали облавы по квартирам. Облавы производились в кино и даже в бане.

На кондитерской фабрике, где хозяйничал немец Юнг, немцы предложили 80 девушкам явиться для отправки в Германию. На сборный пункт явилось только 8, а остальные не вышли даже на работу. 18 марта 1943 г. немцы окружили фабрику и стали хватать всех работниц подряд. Во время этой облавы несколько девушек прыгнули с 3-го этажа и разбились. Одна из них, стараясь убежать, хотела спуститься по водосточной трубе, но упала и разбилась насмерть.

Население прибегало к различным хитростям, чтобы избежать угона в Германию. Раздирали кожу щётками или суконкой и смазывали керосином или рассолом с уксусом, чтобы вызвать сыпь. Женщины приписывали себе в паспорта детей, а идя на комиссию брали их у соседей. Киевляне подделывали также паспорта — увеличивали или уменьшали себе возраст, подкупали полицейских. В полиции и на комиссии вначале можно было за 3 тыс. рублей освободиться от поездки. В последнее время «такса»

чрезвычайно возросла — нужно было платить уже 15 тыс. рублей.

Киевляне получали на дом повестки с лаконическим текстом: «Явиться на Львовскую № 24 в 8 часов утра с вещами».

На воротах дома № 24 по Львовской улице висела большая доска с надписью на немецком и украинском языках: «Штаб набора рабочей силы в Германию. Киев—Украина. Пересыльный лагерь». Фашистские рабодельцы гнали сюда пойманных людей из разных областей Украины.

Мария Ивановна Мартыненко, которая проживала во дворе этого дома, рассказывает:

«Нельзя передать, что здесь было. Сюда сгоняли девушек и юношей, даже детей. Устраивали облавы на базарах, забирали людей из квартир. Невольников отправляли на вокзал каждое утро, а последнее время — в три часа ночи. Начальником лагеря был немец Краузе — не человек, а зверь. Люди тут голодали, спали на голом цементном полу, их били палками, сажали в камеры. Кто сюда входил, тот прощался с жизнью».

На стенах казарм, где находились невольники, осталось множество надписей, красноречиво выражающих настроения томившихся здесь людей. Девушки из села Мироновки Киевской области — Дрыга Катя, Запорожец Настя, Кузьменко Нина, Коваль Мария и другие, попавшие в пересыльный лагерь, 12 августа 1943 г. сделали надпись: «Кто прибудет сюда из села Мироновки, тот пусть прочтёт наши имена и помнит нас, ибо мы уже не вернёмся».

Девушки из села Красное, Згуровского района Полтавской области, написали: «Прощайте, наши товарищи, не попадайтесь сюда, выкручивайтесь. Бывайте здоровы, украинские люди! Выехали 31 августа 1943 г. Сидели две недели».

21 ноября 1943 г. Струк Василий написал на стене: «В 60 километрах от Киева по той стороне Днепра село Ядлинка. Было там 1500 дворов и населения 6 тыс. Немцы всё село сожгли, а невинных людей гонят в Германию на вечную каторгу и муку. Люди эти пострадали невинно, их тут всех мучают, бьют и голодом морят. Никогда не было, чтобы людей так пытали. Ох и бьют, проклятые гады!»

Загнанные сюда юноши и девушки мечтали о побеге.

На стенах остались надписи: «Тут сидели девушки на этом окне и думали, как удрать домой. Да здравствует родной дом».

«Да сгинет Гитлер со своей сворой. Скоро придёт время, когда Гитлер будет висеть на гиляке со своими собаками».

Ежедневно оккупанты гнали невольников на вокзал, грузили, как скотину, в товарные вагоны, пломбировали двери, закручивали проволокой люки и под конвоем отправляли в Германию. В паспортах записывали «добровольно» и вкладывали в него листок «правила поведения». Едущие в Германию не имели права поддерживать между собой связь. Даже мужа и жену разлучали, запрещали им разговаривать между собой. Нарушение правил поведения каралось расстрелом.

На вокзалах плакали дети, остающиеся на произвол судьбы, плакали матери, которых вывозили на чужбину, разлучая с детьми, а немецкий духовой оркестр играл, стараясь заглушить этот плач.

На заводе «Большевик» до войны работала инструментальщицей Оксана Титаренко. Во время эвакуации завода она лежала в больнице и не смогла выехать на восток. Немцы её забрали и под конвоем погнали на вокзал, чтобы отправить в Германию. Когда Оксану гнали по Брест-Литовскому шоссе, Степановской и другими улицами, сзади бежал восьмилетний мальчик, горько плакал и звал её. Оксана несколько раз пыталась вырваться, но конвоиры подталкивали её прикладами, и пленница, рыдая, шла вперёд. Так и не попрощалась она со своим сыном Толей. Через несколько дней мальчика видели на вокзале. Он собирал там брошенные немецкими солдатами объедки, затем блуждал на Галицком базаре, а вскоре и совсем исчез.

Сотни осиротевших и бесприютных детей бродили по городу. Киевляне часто подбирали на улицах трупы беспризорных малышей, родители которых были увезены в Германию.

С апреля 1942 г. гитлеровцы начали отправлять в Германию подростков в возрасте от 14 лет. Однажды они собрали юношей и девушек на Львовской улице. Матери с опухшими от слёз глазами пришли попрощаться с детьми. Но немцы окружили квартал, выставили пикеты и никого к подросткам не допускали. Всех, кто старался как-то прорваться и посмотреть в последний раз на своих

детей, гестаповцы били прикладами. Некоторых забили насмерть.

Затем гитлеровцы переписали и начали отправлять на немецкую каторгу и десятилетних ребят. Днём и ночью под стражей оккупанты гнали детей и подростков, подстёгивая их нагайкой. В поезде дети с глазами, полными ужаса, цеплялись руками за решётки закрытого вагона. Ещё долго после отхода поезда слышался детский крик.

Свыше 100 тыс. киевлян было вывезено на немецкую каторгу.

Один киевлянин, которому посчастливилось бежать из Мюнхена, рассказывает, что он работал у хозяина, ведавшего канализацией. Было там ещё триста рабочих-украинцев. Работать приходилось по 14—16 часов в день. От тяжёлой, противной работы и голода люди теряли сознание. Хозяин изготавливал мыло из жировых отбросов, попадавших в канализацию. Однажды рабочие собрали 5 ведёр этих отбросов; три ведра они спрятали, а потом пережарили и съели.

Девятнадцатилетняя киевлянка Рая в своём письме к родственникам писала, что у неё забрали всю одежду и оставили совершенно раздетой. Её, голодную, заставляют выполнять тяжёлую, непосильную работу. Три её подруги не выдержали всех издевательств и повесились, две сошли с ума. Свой рассказ Рая кончает словами: «Если вы меня не освободите, я тоже скоро сойду с ума».

Несколько месяцев рабского труда в Германии делают из человека инвалида. Люди теряют зрение, руки или ноги, заболевают туберкулёзом.

Немало киевлян немцы вывезли на каторгу уже в последние дни своего пребывания в Киеве. Их не везли уже даже в «телячьих» вагонах, а гнали, как скот. Старики, подростки и женщины — голодные, оборванные и босые — шли под конвоем немцев в неведомый край, навстречу смерти.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА, ЕГО КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Едва вступив в Киев, берлинские факельщики в лютой ненависти ко всему советскому стали разрушать столицу Советской Украины. Пожары охватили целые улицы и кварталы. Чёрный дым пожаров окутал Киев. Древний город-красавец с его величественными зданиями, тени-

стыми аллеями и парками, город вузов, библиотек, памятников культуры на глазах населения превращался в развалины.

Любимая улица киевлян, центральная магистраль города — Крещатик — славилась не только прекрасными жилыми домами. Здесь помещалось большинство кинотеатров города, главный почтамт, гостиницы, рестораны, магазины.

С неопишуемой яростью лютовали здесь фашистские варвары. Они заранее выселили отсюда всех жильцов и несколько дней грабили и вывозили из государственных учреждений и квартир разное добро, разбивали мебель, стреляли в зеркала. Ограбив квартиры, оккупанты взорвали дома и разрушили всю улицу. На всём протяжении от площади Калинина до Крытого рынка на месте красивых многэтажных зданий остались только покрытые копотью стены и бесформенные груды железа и кирпича. Чтобы замести следы своих преступлений, гитлеровцы пытались спровоцировать население: разрушение Крещатика они хотели приписать партизанам. Эта наглая клевета послужила поводом для расстрела десятков тысяч киевлян.

Вандалы жгли и разрушали улицы, прилегавшие к Крещатику. Тех, кто пытался тушить пожары, расстреливали на месте. За несколько дней была разрушена улица Свердлова от Крещатика до Пушкинской, улицы Энгельса и 25 Октября от Крещатика до Банковской, улица Карла Маркса. Гитлеровцы взорвали помещение цирка, здание драматического театра Красной Армии, сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя им. Горького, Еврейский театр, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и всё оборудование, разрушили театральный институт, гостиницу «Континенталь», Главный почтамт, Дом обороны и много других прекрасных зданий.

За время оккупации города фашистские варвары разрушили, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений: сожгли коклюшную больницу, детскую инфекционную больницу на Кловском спуске, больницы в Дарнице и Слободке; разрушили детскую больницу на Дегтяревской улице, взорвали и разрушили три родильных дома, четыре женских и детских консультации, молочную кухню, 17 детских яслей, четыре поликлиники; вывезли имущество Железнодорожной, Октябрьской и других больниц.

Немецкие вандалы разрушили четыре дворца культуры, Дсм учителя, все лучшие кинотеатры и клубы.

Трудно перечислить всё разрушенное и уничтоженное немцами.

Горд-красавец превратился в пустыню. Высокой густой травой зарастали площади. Глубокими выбоинами покрывались чудесные асфальтированные улицы. Приходили в негодность оставшиеся в целости дома. Немцы не только не ремонтировали их, а, наоборот, разрушали. Они ободрали стены прекрасного здания Верховного Совета Украинской ССР, оборвали панели, кожаную и матерчатую обивку, вынули дорогое рубиновое стекло из куполов. Один только скелет остался от дома, где помещался Центральный Комитет КП(б)У; оккупанты выломали мраморные плиты, двери, рамы, сняли дубовый паркет и даже крышу и всё это увезли в Германию.

Немецкие оккупанты разрушили и сожгли свыше 6 тыс. лучших домов. Свыше 200 тыс. жителей Киева лишились крова. Немцы разрушили 940 зданий государственных и общественных учреждений площадью около 1 млн. квадратных метров. За время оккупации разрушено свыше 800 промышленных предприятий.

Лучшие дома, оставшиеся неразрушенными, немцы заняли для себя, а население выгнали на окраины города — на Подол, Куренёвку, Труханов остров или выселили в сырые и тёмные подвалы. Военная комендатура реквизировала все гостиницы, школы, институты, рестораны, стловые, магазины. На этих домах были вывешены таблички с надписями: «Реквизировано для немецкой армии. Вход запрещён. За нарушение — расстрел».

По городу пестрели надписи: «Только для немцев», «Украинцам вход воспрещён», «Кино только для немцев», «Клуб только для немцев».

Живописнейший уголок Киева — Липки — с его многоэтажными новыми зданиями был заселён немцами. Там помещались немецкий, венгерский и румынский штабы, немецкая разведка. В бывшем Дворце труда по улице Короленко помещался штаб гестапо, в доме Совнаркома — «Центральное торговое общество для Востока», в доме Академии наук УССР — городская управа и главное управление полиции. Отдельные дома были переданы в собственность немецким генералам и другим военным чинам. Лучшие квартиры заселили немецкие чиновники, которых развелось в Киеве бесчисленное количество.

Из Киева, как и из других городов, оккупанты вывезли в Германию все станки, оставшиеся на отдельных заводах, трамвайные вагоны, троллейбусы и другое промышленное и коммунальное оборудование.

В городе немцы пустили в ход только несколько мелких предприятий и отдельные цехи заводов, нужные им для военных целей. Продукция консервной фабрики, дрожжевого завода шла на нужды немецкой армии и вывозилась в Германию. Открыто было несколько пошивочных мастерских, парикмахерских. Частные хозяйчики открыли «заведения» для обслуживания немецких войск. Этим, по существу, исчерпывалась вся экономическая жизнь Киева.

Представители немецкого капиталиста Круппа, нажившего на войне огромные капиталы, приехали было в Киев и расположились на территории кабельного завода. Они надеялись нажить и здесь капиталы, используя даровую рабочую силу украинцев. Но вскоре, ограбив завод, исчезли.

Замерла хозяйственная жизнь города. Умолкли гудки заводов и фабрик, был парализован городской транспорт. Курсировали только грузовые трамвайные вагоны и несколько дежурных пассажирских. Киевлянам запрещалось пользоваться трамваем.

Удирая под натиском Красной Армии из Киева, немцы не успели осуществить своих бандитских намерений — снести с лица земли столицу Украины. Боясь полного окружения, немцы в панике бежали из города и не успели сжечь и взорвать его, как это было сделано с Полтавой и другими городами Украины. Но всё же оккупанты нанесли городу огромный ущерб. Они разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик» и «Красный экскаватор», снабжавшие промышленность, транспорт и сельское хозяйство машинами, инвентарём и запасными частями; взорвали, сожгли и разрушили всё путевое хозяйство крупнейшего железнодорожного узла Киев — Дарница, все станционные здания, депо на станции Киев-II, паровозо-вагоноремонтный завод; они взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе; взорвали и сожгли построенные за годы советской власти крупные фабрики — текстильные, прядильно-трикотажную, швейную им. Горького, три обувные фабрики и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки,

водопровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Гитлеровские вандалы разрушили культурные ценности древней столицы Украины, которые столетиями создавались предками талантливого украинского народа, его лучшими, наиболее выдающимися людьми. Оккупанты уничтожили или вывезли в Германию произведения классической украинской литературы, древние памятники, уничтожили или превратили в казармы и конюшни школы, институты, библиотеки, дворцы культуры — всё, что так дорого и близко сердцу украинца. Они хотели, чтобы ничто не напоминало украинцу о том, что он был свободным, жил по-человечески. Гитлеровцы старались вбить в головы советским людям, что они — только рабы немцев.

Культуру нагайки, грабежа, насилия и пожаров принесли Киеву оккупанты. Эмблема черепа и скрещённых костей — вот символ всей гитлеровской идеологии и «культуры». Вместо школ и клубов, библиотек и институтов немцы открыли пивнушки и игорные притоны, где пьяные офицеры просиживали ночи за картами.

До немецкой оккупации в Киеве было 150 средних и начальных школ. 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — под склады и мастерские, 2 — под воинские штабы и 8 — под конюшни. В помещении педагогической школы они также устроили конюшню, в школе № 2, в художественной школе — солдатские казармы. В школе № 38 помещался склад награбленного у киевлян имущества.

Во всех школах были разрушены физические, естественноведческие, географические и химические кабинеты, украдено учебное оборудование. Сохранилось только то, что учителя спрятали и закопали в землю.

До вторжения немцев в средних школах Киева обучалось 89 683 ученика. Фашисты закрыли все средние, педагогические школы и высшие учебные заведения. На учеников старших классов и на студентов охотились, как на зверей, и отправляли их на каторгу в Германию.

На каждом шагу украинцам хотели дать почувствовать, что гитлеровцы — «высшая раса», «господа». Но презрительное, враждебное отношение к украинцам не исключало демагогической болтовни о том, что немцы — «освободители», «носители европейской культуры». В немецкой прессе гитлеровцы называли украинский народ скотом, неспособным иметь своё государство, свою национальную

культуру, а в местных газетах они лебезили перед украинцами и задабривали их разными обещаниями на будущее.

Фашистские мракобесы в немецкой печати заявляли, что на Украине слишком много людей с высшим образованием, и поэтому нужно максимально сократить число высших учебных заведений. В местных же продажных газетах кричали об открытии институтов, помещали специальные объявления о наборе студентов. В действительности такие объявления были не только бесстыдной демагогией, а и ловушкой: молодёжь, желая избежать отправки в Германию, старалась устроиться на учёбу в институты. Но те, кто приходил узнать об условиях приёма в институт, попадался в лапы «вербовщиков».

Немцы утверждали, будто советский народ не может иметь своей культуры, следовательно и своей интеллигенции, будто культура есть и может быть только в их немецком «фатерлянде». Они терроризировали и угнетали украинскую интеллигенцию. Те советские интеллигенты, специалисты с высшим образованием, которым удалось избежать немецкой каторги, вынуждены были работать землекопами, конюхами, сторожами, дворниками, прачками, уборщицами. Выдающиеся учёные, люди, именами которых гордилась советская наука, вынуждены были прибегать к любой работе, чтобы кое-как просуществовать. Профессор математики Круковский продавал билеты на водной станции, доцент химии Страшкевич заведывал прачечной. Архитектору Алёшину, автору проекта дома Академии наук и других замечательных зданий, немцы поручили спроектировать... конюшню. Профессор Чернобаев, доктор технических наук, изготавливал спички, а его 70-летняя жена продавала эти спички на базаре. Академик Лисин делал пудру, соду, мыло, а его дочери ходили за 200—300 километров менять этот «товар» на хлеб.

Учительница В. Засик рассказывает, что, оставшись без средств к существованию, она вынуждена была работать грузчицей на товарной станции. «Тяжело было, — говорит т. Засик, — выполнять непосильную работу, но ещё тяжелее и невыносимее было терпеть издевательства и побои пьяного немецкого управляющего, видеть, как вокруг тебя мучаются и погибают лучшие представители советской интеллигенции».

Много интеллигенции погибло от рук гитлеровцев: погиб 70-летний врач-педиатр Дукельский, врачи Боярский, Лазуренко, профессора Иванцов, Левицкий, Кучеренко и дру-

гие. Сотни образованных, квалифицированных людей вынуждены были нищенствовать.

Гитлеровские мародёры и разбойники не дорожили никакими историческими или художественными ценностями украинского народа, никакими, даже самыми драгоценнейшими творениями искусства. Они разрушали и грабили всё, что попадалось на глаза.

5 ноября 1943 г. немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. В огне погибли редчайшие культурные ценности: материалы исторического архива, древних актов, библиотека с фондом свыше 1 300 тыс. книг, зоологический музей университета, который имел свыше 2 млн. экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев (зоо-анатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии), погибли 20 университетских лабораторий, 18 специальных кабинетов и мастерских.

В научно-исследовательских институтах немцы ограбили библиотеки, архивы, лаборатории. Из медицинского института вывезли в Германию научные материалы, документацию и книги, сложнейшие приборы: микропроекторные аппараты, микроманипуляторы, микроскопы и другое точное медицинское оборудование стоимостью в десятки миллионов рублей. Украденные ценности были отправлены в Берлин на склады торговой фирмы Адлер.

В своей речи на общегородском митинге киевлян 27 ноября 1943 г. сотрудник Академии наук доцент Марковский говорил: «Мы знаем, что немцы вывезли из Киева в Германию приблизительно около 700 тыс. книг; сожгли в печах, растащили и вообще уничтожили во время своего хозяйничанья в Киеве около 600 тыс. книг и сожгли во время отступления 2 млн. 500 тыс. книг. Таким образом эти так называемые «культуртрегеры» уничтожили и вывезли из Киева около 4 млн. книг. Это знаем мы, а фактически книг погибло, конечно, гораздо больше».

Библиотека Академии наук УССР была одним из богатейших книгохранилищ мира. Здесь хранились ценнейшие сокровища. Библиотека имела много уникальных изданий, проводила огромнейшую работу в разных отраслях книговедения. Библиотека владела огромными книжным и газетным фондами, редчайшей коллекцией афиш и плакатов, огромной нототекой.

Гитлеровские дикари, заняв подсобные помещения ака-

демической библиотеки под казармы, заворачивали селёдки и колбасу в архивные акты, сдирали перламутровые оправы со старинных евангелий, жгли в печах карточки каталогов и уникальные экземпляры книг. Лишь из этой библиотеки гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тыс. ценнейших и уникальных книг, журналов и рукописей. Они выкрали редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Фёдоровым.

В помещении Наркомпроса находилось большое количество книг из библиотек институтов литературы, истории, языковедения и других. Осенью 1941 г. немцы устроили в этом помещении казарму для своих солдат. Редчайшими изданиями по востоковедению, истории, философии гитлеровцы отапливали помещения; значительную часть книг выбросили во двор, где они долго валялись, гнили под открытым небом, под дождём, в грязи. Так погибло свыше 100 тыс. редких книг, в частности книги из личной библиотеки академика Крылова.

Оккупанты ограбили и вывезли в Германию ценности из музеев Киево-Печерской лавры, украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, Центрального музея им. Шевченко, исторического музея. Вывезены картины, этюды, портреты, написанные Репиным, Верещагиным, Федотовым, Ге, скульптуры работы Антокольского и другие произведения выдающихся русских и украинских художников и скульпторов.

Из музея русского искусства вывезены картины Маковского, Куинджи, Киселёва, картина Флавицкого «Княжна Тараканова» и ряд других ценных работ русских мастеров XVIII—XIX столетий.

В музее украинского искусства уничтожены почти все коллекции народного искусства (вышивки, ткани, керамика, резное дерево). Вывезены экспонаты художественных коллекций, картины, оружие, фарфор, выкрадены архивные документы, уникальные реликвии, материалы раскопок. Из 41 тыс. экспонатов отдела народного искусства осталось только 1 900.

Гитлеровцы вывезли украинскую посуду XVIII, XIX и начала XX столетий, и в том числе образцы работ крупнейших мастеров. Они разграбили богатейшую коллекцию вышивок XVIII, XIX и XX столетий, вывезли коллекцию

народной одежды, вывезли 11 420 предметов из художественно-промышленного отдела, в том числе коллекцию фаянса Киево-Межигорской фабрики (1780—1798 гг.), 5 384 предмета живописи, графики, скульптуры. Ценную музейную мебель немцы вывезли в Германию. Доктор Ласке, «работавший» в Архивном управлении, вывез, например, гарнитур красного дерева первой половины XIX века, обитый французским гобеленом; доктор Винтер вывез из музея золочёные стулья, обитые серебряной парчой с вышивками.

В начале ноября 1941 г. немецкие вандалы начали грабить Успенский собор Киево-Печерской лавры, построенный в XI веке. Сначала они вытащили золото, иконы, драгоценные ризы, а потом взорвали и самый собор.

Вспоминая, какие неценные сокровища находились в Успенском соборе, жена хранителя лаврского музея И. Н. Черногубова рассказала: «Огромнейшее богатство представлял фонд серебра и золота. Здесь были пудовые серебряные дарохранильницы, жалованные московскими царями, золотые ковши, чаши, кресты, евангелии в массивных, художественно исполненных окладах. Велики были сокровища фонда станковой живописи, где хранились памятники древней иконописи... К собору днём и ночью подъезжали немцы, грузили музейные ценности и увозили их. И. Н. Черногубов протестовал, обращался к коменданту, но всё безуспешно. В лавру приехал Эрих Кох. Черногубов обратился к нему с просьбой запретить грабёж. Кох, ехидно ухмыляясь, ответил, что «примет меры...»

И меры были приняты. Через некоторое время гестаповцы взорвали собор и расстреляли Черногубова.

Гитлеровцы разграбили величайший памятник культуры славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, в том числе четыре фрески со стен Михайловского Златоверхого монастыря, драгоценную утварь и предметы культа. Полностью разграблена богатейшая фототека музея-заповедника, где хранились материалы по народной архитектуре и архитектуре раннего феодального периода Киевской Руси.

В Киево-Печерской лавре немцы похитили документы из архивов киевских митрополитов и книги из личной библиотеки Петра Могилы, собравшего ценнейшие памятники мировой литературы.

«В октябре — декабре 1941 г., — говорится в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии, — немцы вы-

везли из лавры ценнейшие экспонаты исторического музея, в том числе весь отдел оружия, насчитывавший около 4 тыс. предметов, среди них были уникальные вещи, как, например, сабля Стефана Батория, витрина запорожского оружия и другие; разграбили ценнейшие экспонаты отдела истории Украины XV—XIX столетий: грамоты, нумизматику, печати, стекло, фарфор, ткани; вывезли из архива музея акты XV—XVIII столетий и рукописи научных трудов...

В Успенском соборе Киево-Печерской лавры находилось больше 20 серебряных риз на иконах, серебряные царские врата, серебряные массивные доски на алтаре и жертвеннике, несколько евангелий в серебряных оправках, три серебряных гробницы, собрание тканей и парчи Киево-Печерской лавры, насчитывавшее более 2 тыс. редких и ценных образцов с дарственными записями царей и гетманов. Все эти ценности немецкие варвары разграбили и вывезли в Германию.

В сентябре — октябре 1943 г. были вывезены в Германию материалы раскопок в Пушкарях, Мезыне, Кирилловской стоянке в Киеве, раскопок Трипольской культуры на Коломыйщине, в Халепье и целый ряд уникальных коллекций.

Из отдела Скифии исторического музея гитлеровские грабители вывезли уникальные бронзовые фигурки зверей, наконечники значков и знамён, оружие, керамику, бытовые вещи; из отдела греческих причерноморских колоний — кипрскую керамику — около 5 тыс. предметов, керамику из Ольвии; вывезли материалы отдела «Киевская Русь», в числе их такие уникальные вещи, как запрестольный крест X столетия Десятинной церкви, изразцы с гербом Рюриковичей и другие ценные экспонаты».

Таков далеко не полный перечень уничтоженных и разграбленных культурных ценностей столицы Советской Украины.

В секретном циркуляре от 18 июля 1942 г. командующий немецкими тыловыми войсками на Украине генерал авиации Китцингер писал: «Украинец был и останется для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идёт во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

Оккупанты рассматривали украинцев как рабочую скотину, лишали их элементарных прав на культурную жизнь.

Приказом от 6 августа 1942 г. комендант Киева генерал-майор Ремер запретил немецким солдатам приглашать украинцев на стадионы и в рестораны.

В театрах гитлеровцы насаждали кафешантанную бульварщину, низкопробную оперетту. Это отвечало запросам развращённых гитлеровских солдафонов.

Во главе театра, работавшего в помещении оперы, стоял зондерфюрер интендант Брюкнер. Он заставлял артистов петь на чужом, незнакомом языке, приказывал артисткам стирать ему бельё, штопать носки. Зондерфюрер мог бить актёров, если они чем-либо не угождали ему.

В городе работало несколько кинотеатров. В некоторые из них разрешалось заходить и местным жителям, но население избегало смотреть фашистские кинокартины.

Оккупанты стремились постепенно и методически изгнать из обихода украинский язык, онемечить киевлян. Сначала объявления, развешиваемые по городу, печатались большими буквами на украинском языке, а внизу мелкими — на немецком, вскоре их стали печатать на немецком языке и только внизу мелким шрифтом приводился текст на украинском языке.

Почти все радиопередачи проводились на немецком языке. Лишь несколько минут в сутки транслировались передачи на украинском языке: это немцы угощали слушателей очередной порцией геббельсовской лжи, рассказывали сказки о том, как «один немецкий солдат взял в плен роту красноармейцев», кричали о «блестящих» победах немецкой армии.

По радио устраивались специальные передачи — уроки немецкого языка. Дикторы всячески восхваляли немецкий язык, доказывали его «превосходство» над украинским.

Гитлеровцы дошли до того, что 25 февраля 1942 г. они сообщили по радио: «Все адреса на письмах надо обязательно писать по-немецки или латинскими буквами».

В Киеве выходила фашистская газета «Нове українське слово». Этот грязный листок подписывал гитлеровский холоп, предатель Штепа, но всеми делами в редакции верховодил немец Вагнер. Без его разрешения не помещалась ни одна статья.

Немцы, ненавидя украинский народ, его язык, культуру, его прошлое, но боясь нашего народа, иногда вынуждены были скрывать от него эту ненависть и даже «заигрывать» с ним. Немцы хорошо знают любовь украинцев к Т. Г. Шевченко, и поэтому в 1942 г. они даже разрешили

продажным газеткам «отметить» юбилей народного поэта. Конечно украинско-немецкие националисты не говорили, что Шевченко глубоко ненавидел немцев, бичевал их в своих произведениях, но немцы помнили это. И когда украинско-немецкие националисты «отмечали» юбилей, немецкие офицеры и солдаты стреляли в портреты великого кобзаря, глумились над его памятником в Канёве, разрушали музей поэта в селе Шевченково. А в Купянске немцы на глазах у местных жителей стесали на здании кино-театра барельеф Тараса Григорьевича, а на его месте нарисовали фашистскую свастику. Кино, носившее имя великого певца украинского народа, немцы переименовали в «Зольддатенкино».

Гитлеровцы — проповедники мракобесия, враги всего прогрессивного человечества, злейшие враги культуры. Уничтожая культурные ценности Украины, они тем самым стремились уничтожить духовную жизнь украинского народа, сломить его вольнолюбивый дух, растоптать человеческое достоинство и национальные чувства. Но народ Украины не гнул спины перед немецкими оккупантами, а всячески мстил им и помогал Красной Армии завоёвывать победу.

БОРЬБА КИЕВЛЯН ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ

В первые дни оккупации Киева на домах городской и районной управ, на Софийском соборе рядом с фашистскими флагами был вывешен флаг предателей украинского народа — украинско-немецких националистов. На продажной фашистской газете «Українське слово», которая стала выходить в Киеве, красовался петлюровский трезуб. Оккупанты выдавали себя за «освободителей» Украины. Расстрелы, пытки и грабежи у них переплетались с демагогическими обещаниями будущего «рая» для киевлян.

В обозе оккупантов в Киев прибыла целая орава украинско-немецких националистических последышей. Они всячески восхваляли немцев, с пеной у рта кричали о «самостийности» Украины и с волчьей жадностью ожидали распределения «портфелей» в «украинском правительстве».

Но гитлеровцы не хотели создать даже марионеточное правительство, как это сделали в 1918 г. кайзеровские оккупанты. Будучи уверены в «молниеносной» победе, они считали излишним возиться с этим «маскарадом».

Немного погодя, немцы запретили украинско-немецким националистам вывешивать свои флаги, закрыли «Українське слово», которая чрезмерно разболталась о «самостийности». Её место заняла газета «Нове українське слово», которая стала откровеннее говорить о подлинных намерениях немцев, пришедших за украинским хлебом и салом, за украинским добром.

В одном из номеров этой газеты немец Зоммер писал. «Не может быть никакой свободной Украины. Немцы силой оружия завоевали Украину. Украина должна работать только под руководством немцев». А гауляйтер Украины Эрих Кох заявил: «Один центнер украинской пшеницы весит для меня больше, чем вообще весь украинский вопрос».

Когда у предателей исчезла надежда на распределение портфелей, они обратились с плаксивым письмом к Розенбергу, но прибалтийский барон даже не ответил им. Тогда они написали Гитлеру: «Руководящие украинские круги сразу после занятия столицы Украины немецкими войсками приняли соответствующие меры к сотрудничеству с немецкими властями на этих землях. Они создали Украинскую национальную раду в Киеве и сделали всё возможное для взаимопонимания с немецким управлением в вопросах своей деятельности... Однако немецкие власти прекратили деятельность Украинской национальной рады. Мы вполне отдаём себе отчёт в том, что обстоятельства военного времени, безусловно, создали определённые трудности. И всё же, несмотря на это, мы должны указать на то, что Украина весьма предрасположена к восприятию большевистской пропаганды и поэтому требует особого внимания». Предатели украинского народа молили Гитлера дать им хоть видимость украинской государственности.

Вся власть в Киеве была сконцентрирована в руках гестаповцев. Городская и районная управы были под непосредственным наблюдением немецкого коменданта города и подчинялись ему. Местная администрация Киева была укомплектована из бывших торговцев, домовладельцев и всяких преступников. В полицию гестаповцы вербовали отбросы общества. Начальником полиции они назначили известного среди уголовных преступников бандита Орлика.

На службу к немцам пошла только кучка продажных мошенников. Население же Киева с первых дней оккупации города стало на путь активной борьбы с немецкими оккупантами.

Оккупанты не чувствовали себя хозяевами столицы. Здесь шла борьба не на жизнь, а на смерть. С непоколебимой уверенностью говорили киевляне: пока солнце с неба светит, пока воды Днепра текут в море — Украина не будет рабой, не станет на колени перед берлинскими людоедами прославленный в веках Киев.

Гордый Киев не сдавался. Он жил и боролся. В глухих киевских переулках, на Владимирской горке и Куренёвке, на Сталинке и Шулявке, на берегу Днепра и в районе Арсенала раздавались выстрелы, падали фашистские захватчики.

В своей оккупационной политике немцы придерживались «мудрости» рабовладельческого Рима: «Пусть нас ненавидят, лишь бы боялись». Массовыми убийствами они стремились не только уничтожить миллионы людей «низшей расы», но и навеять ужас на остальных, запугать их, сломить волю к сопротивлению.

Один гитлеровский военный журналист, рисуя перед немецкой военщиной привлекательные перспективы разгрома советского народа, писал: «Уцелевший деморализованный сброд людских существ, лишённый руководителей, будет так сильно подавлен и сломан неслыханным ужасом, страданием и террором, что будет стоять беззащитным и лишённым воли перед лицом своего победителя и будет представлять собой глину в руках гончара-победителя».

Но не сломленные и покорённые рабы, а гордые, разгневанные мстители встретили гитлеровцев в Киеве. Чем дальше, тем сильнее разгорался народный гнев, тем сильнее крепла его воля к борьбе.

Неудержимый террор гитлеровцев нарастал изо дня в день. Зверства фашистских людоедов были показателем не их силы, а бессилия и страха. Они боялись каждого прохожего. На всех перекрёстках выставляли они вооружённых жандармов и полицейских. Летом 1942 г. газета «Дейче Украине Цейтунг» сообщала: «Въезд в Киев и выезд из него разрешается только по определённым улицам и дорогам. По отношению к лицам, замеченным в других местах, принимаются строжайшие меры, вплоть до расстрела на месте. Всё гражданское население обязано без всяких предупреждений показывать пакеты и прочие свёртки заградительной немецкой охране, которая будет немедленно стрелять во всех, кто нарушит указанный порядок».

Ночью немцы избегали ходить по городу в одиночку,

боясь народных мстителей. Подъезды, ворота всю ночь были на запоре. Жилые дома охраняли специальные ночные сторожа.

Особенную «бдительность» жандармы и полиция проявляли, когда в Киев приезжал кто-либо из фашистских главарей. Тогда закрывали ларьки, запрещали торговать на базарах и даже ходить по улицам.

5 июля 1942 г. было опубликовано объявление за подписями военного коменданта и рейхскомиссара Украины: «Всякий, кто непосредственно или косвенно будет поддерживать или скрывать партизан, саботажников, бродяг, пленных беглецов или даст кому-либо из них продукты питания или окажет какую-нибудь помощь, будет наказан смертью.

Всё имущество его будет конфисковано.

Такое же наказание постигнет каждого, кто, зная о появлении партизан, саботажников или пленных беглецов, не сообщит об этом немедленно своему старосте, ближайшему полицейскому начальнику, военной команде или немецкому сельскохозяйственному руководителю.

Кто своим сообщением поможет поймать или уничтожить партизан, бродяг, саботажников или пленных беглецов, получит или тысячу рублей награды, или право первенства в получении продуктов питания, или право на получение надела земли, или увеличение его приусадебной земли».

В ответ на такие объявления киевляне усиливали борьбу против немецких оккупантов. Они уничтожали гитлеровских офицеров, взрывали и поджигали склады, выводили из строя целые цехи, где вырабатывалось вооружение для немецкой армии.

Анастасия Петровна Горбач, работница одной из артелей, рассказывает:

«В Первомайском парке немцы повесили несколько человек. На груди повешенных были укреплены дощечки: «Партизан». Ночью кто-то сорвал эти вывески и прикрепил свои: «Жертвы фашистского террора». На другую ночь немцы выставили охрану. Патриоты сняли трупы, а вместо них повесили охрану и написали на дощечках: «Вот кто достоин виселицы».

В другой раз немцы повесили на каштанах площади Верховного Совета трёх рабочих Арсенала, отказавшихся от работы. На следующую ночь на этих каштанах закачались жандармы».

В Липках возле дома киевского генерал-комиссара поме-

шался эсэсовский гараж. В начале 1943 г. народные мстители взорвали его. Сгорело 68 автомобилей. Полицейских, которые охраняли этот район, немцы расстреляли.

Вокруг Киева и в самом Киеве действовали 53 отряда народных мстителей.

Большую работу в Киеве проводили большевистские подпольные парторганизации. Они вели агитационно-массовую работу среди населения, сплачивали его вокруг себя, возглавляли и направляли борьбу киевлян против немецко-фашистских оккупантов, оказывали партизанским отрядам помощь оружием, медикаментами, пополняли их ряды.

Бывший начальник цеха одного из заводов Владимир Исидорович Кудряшов в условиях жестокого террора, уже в первые дни немецкой оккупации, создал ряд районных и первичных подпольных парторганизаций, а на предприятиях — боевые подпольные группы, которые наносили оккупантам беспощадные удары. Сам В. И. Кудряшов не только руководил, но и принимал личное участие в большинстве вооружённых актов. Тысячи патриотов Киева с полным вооружением были направлены Кудряшовым в партизанские отряды, действовавшие вокруг Киева.

В июле 1942 г. Кудряшов был схвачен гестаповцами. Его подвергли нечеловеческим пыткам, но ничто не сломило воли верного сына советской родины. Гестаповцы не смогли получить от него сведений ни об одном подпольщике, работавшем в Киеве.

В своём предсмертном письме В. И. Кудряшов писал: «В казематах гестапо я держал себя, как подобает коммунисту. Я умру с твёрдой верой, что освобождение от ненавистного фашизма будет скоро и что советский народ будет торжествовать победу. Привет всем тем, кто с нами работал, помогал и жил мыслью освобождения в священной борьбе от ненавистного фашизма.

Передайте моему сыну Саше, чтобы он рос честным для народа, крепким и смелым и чтобы врагов ненавидел так же, как его отец».

Смертью храбрых погиб В. И. Кудряшов. Но организованные им подпольщики ещё сильнее мстили немецким захватчикам.

Секретарь железнодорожного подпольного райкома КП(б)У Александр Сидорович Пироговский, работавший до войны секретарём парторганизации завода им. 1 Мая, в период 1941—1943 гг. организовал более 20 подпольных групп на основных предприятиях города. Подпольная пар-

тийная организация, руководимая А. С. Пироговским, объединяла свыше 250 человек и направила в партизанские отряды с полным вооружением около 300 человек.

Руководитель подпольной парторганизации станции Киев-1 товарная П. Н. Зосенко рассказывает: «Полные ярости и гнева, мы взялись за дело, чтобы отстоять честь, свободу и независимость нашей родины, помогать Красной Армии истреблять фашистскую нечисть, мстить немецким мерзавцам за все их злодеяния.

Мы мстили беспощадно: уничтожали телефонную связь, организовывали крушение поездов, уничтожали товарные вагоны, гружённые боеприпасами, засылали не по назначению грузы.

Подпольная парторганизация станции Киев-1 товарная возглавляла борьбу рабочих-железнодорожников против немецких захватчиков. Члены ВКП(б) составляли боевые отряды для подпольной работы, своим личным примером сплачивали вокруг себя патриотов родины».

Фашисты всячески пытались убедить киевлян, будто Красная Армия разбита и никогда больше не возродится. Но этому никто не верил. Подпольщики Киева слушали радиопередачи из Москвы и рассказывали жителям города правду о советской родине и положении на фронтах. Эти сообщения с быстротой молнии облетали Киев и окрыляли советских людей надеждой на скорое освобождение.

Тайком, ночами советские люди выкопали на склонах Днепра пещеры и установили в них радиоприёмники. В пещерах было сделано по нескольку входов и выходов. Были установлены также посты наблюдения и сигнализации. Эти радиоприёмники ловили известия с «Большой земли».

Врач Центральной поликлиники Л. Попова рассказывает: «Были в Киеве люди, которые тайком слушали советские радиопередачи, и слово большевистской правды находило себе доступ всюду благодаря стараниям этих самоотверженных и смелых людей. «Сталин выступал!»—об этом моментально становилось известно всему городу».

Об освобождении Харькова здесь уже знали 23 августа, т. е. в самый день освобождения. Через некоторое время появилась листовка: «Киевляне! Красная Армия заняла Харьков. Слава ей! Трепещите, немецкие палачи, — идёт суд!»

Подпольщики Киева использовали свыше 250 радиоприёмников. Радиопередачи из Москвы, сообщения Совинформбюро переписывались от руки, перепечатывались на машинке или гектографе и распространялись по городу —

на базарах, на бирже труда и в других людных местах, Часто листовки зачитывались и обсуждались среди рабочих. В 1942 г. лишь одна из подпольных групп распространила около 4 тыс. экземпляров сводок Совинформбюро, свыше 100 листовок и воззваний. Листовки распространялись не только в Киеве, но и в прилегающих районах (Фастов, Тетерев, Корсунь) и ряде сёл. Подпольщики-железнодорожники расклеивали листовки на вагонах, уходящих из Киева.

Члены подпольной организации станции Киев-1 товарная вскрывали вагоны, добывали оружие и боеприпасы, доставали различным образом медикаменты и хирургические инструменты и направляли их в партизанские отряды. В Кобышанский отряд этой группой было отправлено различных медикаментов на 30 тыс. рублей, в Носовский отряд — на 15 тыс., в Плисецкий отряд — на 5 тыс. рублей.

Подпольщики помогли бежать людям, которых немцы пытались вывезти в Германию. Так, т. Розинский только за июль и август 1943 г. освободил от угона в Германию 180 человек. 27 сентября 1943 г. П. Зосенко и М. Галка выпустили из вагона под станцией Козатин киевлян, отправляемых на каторгу.

При отправке в Германию поездов с зерном К. Николаенко, П. Зосенко, И. Заец приоткрывали двери вагонов, и зерно, погружённое насыпом, при движении поезда высыпалось на землю. Таким образом удалось приоткрыть до 200 вагонов.

На станции Киев-1 товарная подпольщики за время своей работы разбили 129 товарных вагонов с различными грузами, опрокинули 34 вагона и вывели из строя 3 паровоза. Диверсии часто устраивались и не членами организации, даже без её заданий. Патриоты-железнодорожники действовали по приказу родины и всем, чем только могли, вредили немцам.

Немецкая фирма «Ганибек» занималась изготовлением различных мостов. В результате активной работы подпольщиков сроки изготовления мостов систематически срывались, а отдельные заказы и вовсе не были исполнены. Однажды фирма получила крупный и срочный заказ. Шеф фирмы, немец, переписал в блокнот все размеры болтов и оставил блокнот на столе. Воспользовавшись этим, руководитель подпольной группы Александр Васильевич Агашков сделал в блокноте некоторые «исправления», значительно увеличив размеры болтов.

По этому исправленному заказу шеф дал задание бригадиру. Работа выполнялась около 5 месяцев, но когда болты были отправлены на монтаж мостов, — они оказались непригодными, и монтаж был задержан на несколько месяцев. Подобных примеров можно привести много.

Немцы чувствовали активное сопротивление киевлян на каждом шагу. Рабочие всячески саботировали работу на заводах, портили станки, закапывали разное заводское оборудование, чтобы его не вывезли оккупанты. Так, мастер завода «Ленинская кузница» Кухарский с группой рабочих закопал два полуавтоматических секатора, резак, два редуктора, 9 кислородных баллонов и 66 метров шланга. Мастер Новицкий, рабочий Подпольный, мастер Синельников спрятали новые инструменты, моторы и другое оборудование. Мастер автоцеха Доброгорский спрятал под полом на заводе исправные автомашины «Пикап» и один газогенераторный автомобиль. Немцы видели, что оборудование исчезает, допрашивали, били «подозрительных» рабочих, но ничего от них не могли узнать.

Осенью 1943 г. гитлеровцы готовились вывезти с трамвайного завода им. Дзержинского всё оборудование и уничтожить его сооружения. Но рабочие завода, рискуя жизнью, закопали автогенный аппарат, пожарное и электрическое оборудование, разные инструменты. Инженер Борис Александрович Загорный собрал группу рабочих (Маняк, Федоренко, Бажанов, Костин, Титомир и другие), которые закопали разное заводское оборудование и, вооружившись, не дали немцам возможности поджечь заводские корпуса.

Сотрудник Академии наук Марковский тайком раскрывал ящики с ценнейшим имуществом Академии, вынимал оттуда аппаратуру, лабораторное оборудование, микроскопы, прятал их, а в ящики клал камни.

Спасаясь бегством от наступающей Красной Армии, немцы стремились угнать с собой всё население Киева. Но люди прятались, кто где мог: в канализационных трубах, в водосточных колодцах, в пещерах, замуровывали друг друга в погребах под домами, прятались на кладбищах в склепах.

Немцы разыскивали людей, используя при этом специально обученных собак. Но киевляне умудрялись прятать свои следы: посыпали дорогу табаком, известью и т. п. Врач Александр Александрович Пашков рассказывает, что, скрываясь в подвале, он смазал подошвы своих башмаков

ихтиоловой мазью, а место, где скрывался, облил керосином.

18 октября 1943 г. группа киевлян (директор института гидрогеологии Ю. М. Марковский и его жена Лидия Савченко, директор сельскохозяйственной библиотеки Академии наук Л. О. Масленников с женой и двумя сыновьями, лаборантка института гидробиологии О. Валько, столяр института Г. Валько и другие) спрятались в подвале дома № 24 по улице Гервица. Они принесли туда заранее продукты, воду, потом замуровали кирпичом единственный выход. Так 19 дней, до самого освобождения Киева Красной Армией, жили эти люди в тёмном, сыром и холодном подземелье.

Люди прислушивались к каждому шагу и возгласу наверху. И когда казалось, что им угрожает опасность, они нащупывали в карманах приготовленные порошки цианистого калия, чтобы спастись от неволи смертью.

Замурованные люди вели дневник. Иногда они теряли веру в то, что останутся живыми, боялись, что немцы взорвут помещение и они погибнут. С замиранием сердца прислушивались к пушечным выстрелам. 5 ноября, накануне освобождения Киева, эти люди записали в дневнике: «Если, товарищ, тебе доведётся прочесть этот дневник, знай одно: мы — одиннадцать советских граждан — предпочли смерть немецкому рабству. Что такое «новый порядок в Европе» — судите по нашим трупам; судите по тому, что учёные ушли под землю и заживо себя замуровали, лишь бы спастись от этого немецкого порядка. Прощальный привет вам, солдаты-герои, освободившие Киев».

6 ноября вместе со всеми киевлянами они восторженно приветствовали Красную Армию.

Десять дней просидела в склепе на Лукьяновском кладбище Евдокия Ивановна Колесник со своей парализованной матерью. Когда не стало пищи, они питались каштанами и готовы были погибнуть, лишь бы не попасть в руки немцев.

На Куренёвке была выкопана в холме пещера, в которой спаслись от немцев полтора человека.

Свыше двух лет жили в потайных норах и убежищах киевский художник-декоратор Феликс Гитерман, его жена Людмила Гусак, одиннадцатилетняя дочь Лариса и трёхлетний сын Олег. Страшно было смотреть на этих людей. Заросший, с истощённым лицом и взъерошенными волосами, в лохмотьях вылез из подземелья Ф. Гитерман. Он

что-то кричал, размахивал руками, смеялся, плакал. Дети, держась худенькими руками за юбку матери, моргали глазами: они так давно не видели света, не видели солнца и людей!

С надеждой смотрели киевляне на Восток: они знали, что оттуда придёт воля и счастье, знали, что Красная Армия, руководимая великим Сталиным, вырвет их из фашистской неволи, знали и всячески старались ускорить победу. Ни утончённые издевательства, ни голод, ни угрозы смерти не сломили воли советских людей, не поколебали их любви и преданности своей отчизне.

Один из фашистских корреспондентов писал в «Кракауер Цейтунг»: «Спокойствие киевлян невозможно побороть, оно сделало их нечувствительными к любым средствам принуждения».

Спокойствие — это не успокоение и примирение, это была глубокая, непоколебимая вера в победу, вера в то, что настанет время расплаты с немцами за все их злодеяния, время освобождения от фашистского гнёта, время, когда снова на украинской земле подымутся фабрики и заводы, засияют огни Днепростроя, расцветут сады, заколосятся буйные хлеба.

Собрание партактива города Киева в письме от 27 декабря 1943 г. писало секретарю Центрального Комитета КП (б) Украины Н. С. Хрущёву: «Наш родной Киев свыше тысячи лет стоит среди широких украинских полей нерушимой крепостью на высоком берегу полноводного Днепра. Никогда не склонялся он перед многочисленными врагами. Не колебался он и в тяжчайшие дни фашистской оккупации. Не сломили его воли к борьбе, не пошатнули его верности Союзу советских народов гитлеровские варвары и их приспешники — подлые украинские националисты».

* *

Войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного удара, смелым обходным манёвром 6 ноября 1943 г. на рассвете овладели столицей Советской Украины. Над Киевом взошла заря освобождения, взвилось красное знамя, — знамя счастья и свободы, победоносное знамя Ленина — Сталина.

Утихла канонада. Подпольщики вынимали из потайных погребов радиоприёмники, с помощью которых они ловили вести из Москвы, гектографы, на которых печатали листовки, оружие, которым они били врага.

Из канализационных труб и колодцев, из лесов и чащ, из разрушенных домов, из замурованных погребов выходили люди. Со слезами радости на глазах обнимали они бойцов и командиров, героев-освободителей столицы Украины.

В этот же день вместе с передовыми частями Красной Армии в Киев прибыл секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины Н. С. Хрущёв. Тепло приветствовали киевляне руководителя большевиков Украины. На улицах, где проходил Н. С. Хрущёв, стихийно собирались жители города. Они благодарили Красную Армию за освобождение от ужасов немецкой оккупации и просили передать товарищу Сталину благодарность за освобождение Киева от немецких захватчиков.

В своём письме товарищу Сталину 8 ноября 1943 г. Н. С. Хрущёв писал:

«Немцы пытались угнать всё население города. Они разыскивали жителей, используя специально дрессированных для ловли людей собак. Киевляне изыскивали всякие способы, чтобы уклониться от облавы. Они прятались в канализационных и водосточных колодцах, замуровывали друг друга в подвалах домов, заваливали себя рухлядью на чердаках...

Сейчас из окрестных лесов, болот, оврагов и кладбищенских склепов возвращаются большими группами киевляне. Они производят тяжёлое впечатление от пережитых ужасов, издевательств и лишений. С непередаваемым волнением встречают жители города бойцов Красной Армии...

6 и 7 ноября, будучи в Киеве, я беседовал со многими жителями города, которые плача рассказывали мне об ужасах немецкой оккупации.

Повсюду, где я был, меня просили жители Киева лично передать Вам их глубочайшую и сердечную благодарность за освобождение родного города и за спасение киевлян от гибели».

В городе ещё видны были свежие следы боёв: лежало битое стекло на тротуарах, пылали дома. Но киевляне спешили к своим заводам и учреждениям, чтобы спасти от пожаров государственное и общественное имущество.

В освобождённый город возвращались люди, прятавшиеся в окрестных селениях. Однако Киев, когда-то многолюдный, производил впечатление вымершего города. Немногим удалось избежать фашистской пули и немецкой каторги. Гитлеровцы опустошили город. Нельзя было узнать

и самих киевлян. Они ходили в лохмотьях, худые, истощённые, с запавшими щеками и землистыми лицами.

В своём письме товарищу Сталину, принятом на общегородском митинге 27 ноября 1943 г., киевляне писали: «Если бы Вы сейчас увидели нас, Вы не узнали бы своих киевлян, да и сами мы не каждый и не сразу узнаём друг друга — так сильно изменили нас, ограбленных и бездольных немцами, причинённые ими горе, бесправие и нестерпимые издевательства над всем самым дорогим, что только есть в народе. Так изменили нас незабываемые утраты и ежеминутное ожидание смерти, которая более двух лет разгуливала по нашим улицам, площадям и жилищам нашим, одетая в немецкий гестаповский саван. Немного нас живых осталось в Киеве. Опустели наши улицы, не слышно на них весёлого детского шума и смеха, стоят опустевшие школы, и старинный Киев наш среди сожженных сёл, сам полусожжённый и разрушенный, но прекрасный в своих ранах, словно символ нашего народа-мученика и воина...

За годы гитлеровской неволи мы видели и пережили такое, чего не передать никакими словами, чему нет названия ни на одном человеческом языке. Мы прожили два года, словно два долгих столетия, за гранью закона, за пределами человеческого существования.

И никто уже из нас, сколько будет жить, не забудет и не простит немецким людоедам, разорителям нашей земли, убийцам народа нашего. Умирая, передадим потомкам свою ненависть и презрение к фашистам, врагам человечества, чтобы и в грядущих столетиях помнили наши потомки о нашей борьбе и муках, чтобы уважали дружбу народов, которую, как победный меч, выковали Вы, товарищ Сталин. Одних только наших киевских страданий достаточно, чтобы заклеить проклятьем и ненавистью гитлеризм-фашизм на долгие века...

Торжественно заверяем Вас, дорогой наш товарищ Сталин, что так же, как наша победоносная Красная Армия под Вашим водительством не сложит оружия до полного разгрома и уничтожения фашизма, так и мы не сложим своих трудолюбивых рук, пока не станет наш славный Киев снова полной чашей, пока не исчезнут в нём все следы немецкого разбоя, пока не соберутся все его дети, пока не расцветут пышным цветом все его сады, пока не возродится, не воспрянет во всей своей красе наша великая украинская земля».

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Зверское истребление жителей города	5
Грабежи, голод и эпидемии	15
Насильственный угон киевлян на немецкую каторгу	21
Разрушение города, его культурных и исторических ценностей	25
Борьба киевлян против немецких оккупантов	36

Редактор *М. Гильгулин.*

Подписано к печати 14 марта 1945 г. А16929. Объем 3 п. л.
Тираж 30000 экз. Заказ № 3500. Цена 60 коп.

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР,
Москва, Валовая, 28.